

Валерия Карих

Саломея ТАНЕЦ
ДЛЯ ЦАРЯ ИРОДА

Романтический бестселлер. Женские истории

Валерия Карих

Саломея. Танец для царя Ирода

«Яуза»

2018

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Карих В. Е.

Саломея. Танец для царя Ирода / В. Е. Карих — «Яуза»,
2018 — (Романтический бестселлер. Женские истории)

ISBN 978-5-9909915-7-6

Тайна этой библейской драмы, развернувшейся всего через несколько лет после распятия Христа, на протяжении столетий не оставляет выдающихся художников, писателей, режиссеров. Новозаветный сюжет известен, наверно, каждому: танец юной девушки Саломеи настолько нравится ее отчиму – правителю Галилеи Ироду Антипе, – что он готов дать ей в награду все, даже половину своего царства! Но по наущению матери Саломея попросила у Ирода голову его противника – пророка Иоанна Крестителя... Однако все ли было так в реальности и как случилось, что имя Саломея, на древнееврейском означавшее «мирная», теперь ассоциируется с кровожадностью и пороком? Кто же она на самом деле – холодная и расчетливая *femme fatale*, своей порочной обольстительностью волновавшая не только титанов Возрождения – Дюрера, Тициана, Рембрандта, Караваджо, но и Оскара Уайльда, а в XX веке ставшая прототипом образа роковой женщины в мировом кинематографе, или же – несчастная жертва обстоятельств, вовлеченная в водоворот придворных интриг? Этот роман полностью разгадывает тайну Саломеи, ставя окончательную точку в истории ТАНЦА ДЛЯ ЦАРЯ ИРОДА.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-9909915-7-6

© Карих В. Е., 2018

© Яуза, 2018

Содержание

Пролог	7
Глава 1	11
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Валерия Карих

Саломея. Танец для царя Ирода

© Карих В.Е., 2018

© ООО «Яуза-каталог», 2018ф

Пролог

Бездонная черная ночь опустилась на Галилею. Такая же черная бездна поглотила душу Ирода Антипы – тетрарха Галилеи и Галаада. Безумие давно владело его разумом. В последнее время приступы душевной болезни повторялись все чаще. Когда они начинались, пространство вокруг Ирода теряло очертания, становилось зыбким и расплывчатым. И уже не мог он различить, что это: то ли прекрасный, но страшный сон, то ли явь...

Так было и на этот раз. В его воображении одно за другим рождались кровавые видения. Как каменное изваяние, стоял он на балконе дворца в Тивериаде и мрачно смотрел вниз. Ирод Антипа дожидался прихода жены Иродиады, которая просила не начинать казнь без нее.

По периметру парадного плаца горели сотни огромных факелов. Их багровые отсветы выхватывали из темноты и делали медными лица людей, придавая им зловещий вид. В центре плаца была сооружена плаха, возле которой, держа в руках меч, стоял полуголый палач. Суровые и молчаливые стражники в металлических доспехах плотным строем окружали небольшую группу мужчин, сгрудившихся возле плахи. Еще утром они были солдатами, как остальные. Теперь же, по воле тетрарха – объявлены предателями. С тоской ожидали они казни.

В стену около тетрарха был воткнут факел, с помощью которого он объявлял находившимся внизу принятое решение. Опущенный вниз, факел означал смерть приговоренного. Но поднятый вверх – дарил надежду на продолжение жизни, которая, впрочем, могла быть потом отнята в любой миг... Обреченный на смерть и слышащий чутким ухом ее неотвратимую поступь человек до последнего вздоха надеется на чудо, избавление и возвращение к жизни. Разве может живая душа смириться с тем, что ей предстоит уйти во мрак и небытие?..

Внезапно поведение тетрарха изменилось. Он стал беспокойным и начал быстро ходить взад-вперед по балкону, разговаривая сам с собой: «Кровь и огонь... Я всюду вижу кровь...» Предметы вокруг него преобразились, а позади предметов и людей возникли какие-то меняющие их форму тени. «О ужас! О негодование! Я знаю: эти жалкие предатели пытались убить меня. Никому из окружающих людишек нельзя доверять! Я хорошо слышу, о чем они разговаривают между собой. Вон же – отсюда хорошо видно, как они безобразно насмешничают надо мной и гримасничают, показывая на меня пальцами».

На самом деле приговоренные к смерти солдаты, раздетые почти догола, окровавленные, с многочисленными глубокими ранами, в этот момент едва стояли на ногах или сидели с поникшими головами. Некоторые были вовсе без сил и лежали на каменном плацу, не смея пошевелиться, чтобы бросить последний отчаянный взгляд наверх, где метался тетрарх.

«Они смеются надо мной! Предатели и враги! Как они смеют покушаться на идеальный мир, окружающий меня?!» – в гневе вопрошал небеса тетрарх. А гримасничающие бегущие образы все плотнее заполняли собой его измученный и воспаленный мозг, искажая реальность. Душа тетрарха корчилась от ненависти и страха, вызванного возможным предательством и ужасом смерти.

На самом деле предательства, которого он так опасался, не было.

Сегодня утром он, четвертовластник Ирод Антипа, скакал впереди отряда вместе с самыми преданными ему друзьями Кастулом и Закарией из Галилеи в Галаад – дикую и бесплодную область, доставшуюся ему в наследство от отца Ирода Великого. Ирод Антипа намеревался осмотреть ее границы.

Они проскакали уже много миль по жаркой каменистой пустыне, как вдруг услышали позади гневные крики и звон вынимаемых из ножен мечей. Оглянувшись, Ирод увидел, что сопровождающий его отряд остановился, разделившись на две группы. Воины приготовились к бою.

Не раздумывая, тетрарх с гиканьем развернул коня и ринулся назад. Быстрее молнии врезался он в гущу всадников и, не разобравшись, обнажил свой меч и стал рубить им направо и налево, нанося смертельные удары.

– Вы все предатели и грязные собаки! – яростно кричал Ирод обезумевшим от ужаса воинам, размахивая окровавленным мечом. – Смерть вам, подлые гиены!

Белая пена хлопьями летела с его губ, а горящие глаза дико вращались. Тетрарх был грозен и ужасен и казался ошеломленным воинам воплощением смерти.

Стоны раненых и отчаянные вопли о пощаде разносились далеко вокруг. Но беснующийся в припадке безумия Ирод уже не мог остановиться. Он видел перед собой только предателей и врагов, желающих его погубить...

Некоторые воины, чудом увернувшись, не выдержали. В страхе поскакали они обратно в Тивериаду, тем самым приговорив себя к смерти. А те, кто остался, отвели лошадей как можно дальше от безжалостного меча. Спешившись, они пали ниц на песок перед обезумевшим правителем и взмолились о пощаде.

– Остановись, Ирод! Что ты творишь? Именем Тиберия и римского закона я призываю тебя остановиться! – громко выкрикнул Закария.

Последовавшие за Иродом друзья ничего не могли поделать. Оказавшись позади тетрарха, Закария попытался запрыгнуть к нему в седло, чтобы силой удержать его руки, однако потерпел неудачу. Кастул, отчаявшись помочь бессмысленно погибающим воинам, поскакал прямо на безумца, обрекая себя на неминуемую гибель. Увидев это, Закария не придумал ничего лучше, как выкрикнуть про императора и закон. Он был другом Ирода и знал о его почтительном отношении к Тиберию и римским законам.

Услышав крик друга, Ирод вздрогнул и остановил смертельную сечу. Потом, не сказав ни слова, он с силой вонзил шпоры в бока взмыленного коня, резко натянул поводья и поскакал назад в Тивериаду.

Оставшись одни, друзья спешили и подбежали к стонущим воинам. О том, чтобы продолжить путь к границам Галаада, речь не шла. Они бросились помогать раненым, стали думать, как доставить их обратно во дворец, и попытались разобраться, что же случилось.

– Скажи мне, Плиний, что произошло? Зачем вы обнажили мечи и собрались драться? – расспрашивал Закария воина, перевязывая тому глубокую рану на груди – его легкое было насквозь проткнуто мечом тетрарха. Тот в ответ только захрипел. Кровавая пена пошла у него изо рта. Спустя мгновение несчастный воин был уже мертв.

«Господи! За что? Как ты допустил столько крови и смерти?» – в ужасе вопрошал Закария небеса. Из пятнадцати раненых ему и Кастулу удалось привести в чувство только шестерых человек. Остальные скончались на месте. Но раны тех, кто остался жив, были настолько тяжелы и глубоки, что было ясно: им не выжить.

Со слов раненых Закария выяснил, что ссора произошла из-за пустяка. По дороге один из молодых воинов по имени Кассиан случайно задел лошадь другого воина, с которым постоянно враждовал. Между всадниками завязалась словесная перепалка, которая переросла в оскорбления. Одно из них затронуло Саломею – дочь жены Ирода Антипы от первого брака, в которую юноша был влюблен. Отпустивший шутку, порочащую девичью честь, был тотчас окружен верными товарищами Кассиана, преданными семье тетрарха. Согласные же с шутником вступились за него. После чего все воины остановили лошадей и обнажили мечи.

Бросим же взгляд на безумца, который столь стремительно отнял жизни у множества людей.

К тому моменту Ироду Антипе исполнилось сорок лет. Он был красив и хорошо сложен, с характерным для рода эдомитов высоким ровным лбом, аккуратно постриженной бородкой, прямым орлиным носом и выпуклыми черными глазами, приковывающими к себе внимание живым блеском. Взгляд Ирода говорил о проницательности, пытливым и глубоким уме, но

одновременно выдавал в нем человека неуравновешенного, эмоционального и вспыльчивого. Черты холеного лица, правильные, но резкие, не отличались гармонией, присущей счастливым и спокойным людям. Углы его крупных губ почти всегда были опущены вниз, словно ему было трудно держать их надменными и твердо сжатыми, как подобает правителю. Очевидно, именно это и придавало иногда его лицу мягкое и почти безвольное выражение.

Пока он в беспокойстве метался по балкону, в спальнях покоях в другом крыле здания находилась его жена Иродиада – женщина с сильным, противоречивым и страстным нравом. Всякий впервые увидевший жену тетрарха не мог отвести от нее взгляд, настолько притягательной была ее демоническая красота. Больше всего поражали выразительностью глаза. Они казались бездонными синими озерами, в которых отражалась вся гамма страстей, на которые только была способна их обладательница. Когда Иродиада гневалась, взгляд ее становился испепеляющим и острым, подобно дамасскому кинжалу, и цвет глаз напоминал грозное небо. Когда же она чему-то радовалась, ее глаза блеснули обворожительно и лучезарно.

Столь же прекрасной была ее дочь Саломея. Но красота юной девы напоминала красоту свежей розы, которая только-только распустилась ранним утром в саду и нежно благоухает под ласковыми лучами солнца, радуя взгляд и наполняя воздух чарующим ароматом.

Иродиада собиралась отправиться к мужу, чтобы вместе посмотреть на казнь. Подобные зрелища необычайно притягивали ее своей остротой и диким первобытным ужасом, всякий раз, будто острая игла, безжалостно вонзавшимся в ее давно зачерствевшее сердце, утоляя нездоровое любопытство.

Она надела длинное платье вишневого цвета, отороченное на груди и рукавах золотой парчовой тканью, расшитой драгоценными камнями. Свои густые черные волосы она собрала на затылке в высокий узел, отпустив струиться вниз вольным водопадом по спине и плечам. А сверху обвила волосы повязкой, сплетенной из золотых и серебряных нитей, со вставками из маленьких жемчужин. Представила, как загорятся глаза мужа, когда он увидит ее, и торжествующая улыбка скользнула по ее губам. Размышления Иродиады прервал возглас дочери, вошедшей в спальню:

– Милая матушка, ты собираешься идти смотреть на казнь? Неужели тебе не страшно и не противно смотреть на подобные зрелища? – с любопытством спросила Саломея.

– Нет! – ответила Иродиада и, воткнув в локоны последнюю заколку, со снисходительным видом обернулась к дочери: – Ты слишком юна, дитя мое, и у тебя впереди целая жизнь. Поэтому пока ты не можешь понять, насколько это захватывающее и таинственное действо.

– О моя милая матушка! Но смерть не может притягивать человека ни в каком возрасте. В юности ли, в старости, она вызывает только ужас и отторжение. Посмотри, как цепляется за жизнь какой-нибудь старик! В его слабом сердце теплится надежда, что она – явление бесконечное, а те признаки старения и угасания, которые отпечатались на его теле, не имеют к нему никакого отношения. Ему кажется, что это просто дурной сон и достаточно очнуться, чтобы почувствовать себя молодым и полным сил. Когда старый человек глядит на себя в зеркало, вместо ужасных глубоких морщин он видит молодое лицо. И он намеренно избегает мыслей, что его тело явно подвержено тлению, а смерть поджидает его каждую минуту.

– Саломея, тобой движет страх, который присущ всякому юному созданию. Но я хочу объяснить тебе, почему меня привлекают столь ужасные с твоей точки зрения зрелища. Я тоже не хочу умирать, как и ты. И как твой старик. Но я должна во всеоружии встретить смерть, когда она придет за мной.

– Ах, мама! – воскликнула Саломея и умолкла, не зная, что возразить. Задумавшись, она наблюдала, как мать разглядывает себя в большом, во весь рост, овальном зеркале в золоченой раме. По бокам зеркала горели факелы. Причудливая игра огня неожиданно внушила ей необъяснимый ужас. Но отражение матери в зеркале беззаботно улыбнулось, и, поймав эту улыбку, девушка успокоилась.

В этот момент они слышали в отдалении душераздирающий крик. Иродиаде показалось, что это голос мужа. Прошло время, и в коридоре раздался топот. Кто-то остановился возле дверей спальни и громко постучал. Мать и дочь настороженно переглянулись. Саломея замерла, а мать сделала ей знак оставаться на месте.

Иродиада быстро достала из-за шелкового пояса маленький кинжал, с которым никогда не расставалась, подошла к двери и решительно ее распахнула. На пороге стоял Закария, из-за его плеча выглядывали два стражника в доспехах. Вид у Закарии был встревожен:

– Госпожа, прости, что я нарушил твой покой! Дело срочное. И требует твоего присутствия, – воскликнул он.

– Говори. Но помни, если то, что ты скажешь, не заслуживает внимания, я велю закрыть тебя в клетке с тиграми.

– Наш уважаемый господин и твой супруг... с ним происходит что-то странное! Он все время зовет тебя. Прощу тебя, госпожа, поспеши за мной. Боюсь, кроме тебя, никто во дворце не сможет его успокоить!

Голос Закарии был полон тревоги и беспокойства. Иродиада поняла: воин не лжет. Очевидно, с ее супругом действительно что-то происходит, если его друг столь взволнован. Она оглянулась на дочь и тоном, не терпящим возражений, приказала:

– Ступай к себе иждидайся меня.

Приказав стражникам сопроводить Саломею в ее покои и охранять, она поспешила вслед за Закарией.

Глава 1

Дворец Ирода в Тивериаде напоминал крепость. Массивное сооружение с широкой дворцовой площадью и многочисленными хозяйственными постройками стояло на высоком холме, по всему периметру его окружала толстая стена. Наверху от центрального дворцового здания отходили два боковых крыла, соединенные широкими балконными пролетами, заканчивающимися прямоугольными террасами. С одной стороны террасы в правом крыле как раз и открывался вид на парадный плац, на котором в данный момент разворачивались трагические события. За плацем шли в ряд четыре двухэтажные казармы, в которых жили солдаты отряда дворцовой охраны. Командовал отрядом Закария Димитракис, который жил вместе с подчиненными в одной из таких казарм.

С огороженной невысокой белой балюстрадой обзорной террасы на плоской крыше дворца с высоты птичьего полета открывался великолепный вид на окрестности Тивериады.

Чтобы пройти на балкон, на котором в приступе безумия метался Ирод Антипа, им нужно было подняться по широкой и мрачной лестнице наверх и пройти по длинному извилистому коридору в другое крыло здания.

Закария и Иродиада миновали множество огромных и темных комнат, подпираемых арочными сводами. Вдоль коридора пылали факелы, воткнутые на одинаковом расстоянии в закопченные стены. Закария на ходу объяснял госпоже, что тетрарх крайне возбужден и не понимает, что с ним происходит. Поэтому необходимо решить – отложить казнь или нет? Этот жизненно важный вопрос больше всего волновал Закарию.

– Почему ты сразу не доложил, в каком состоянии господин вернулся из Галаада? – гневно расспрашивала Иродиада.

Она не видела мужа с утра. Когда тот вернулся, то сразу заперся в своих дальних покоях. Идя по коридору, Иродиада подумала, что если бы сразу узнала о случившемся в Галааде, то, возможно, смогла бы предотвратить приступ. Однако сейчас уже было не до разбирательств. Надо было спешить туда, откуда раздавались дикие крики безумного.

– Я не посмел тревожить твой покой, госпожа. Когда я прискакал обратно во дворец и навестил господина, он был здоров, весел и ничего не помнил. Ничто не выдавало болезни. А вечером он неожиданно вызвал меня и приказал немедленно казнить виновных, – оправдывался Закария.

И хотя слова воина были не лишены логики, Иродиада решила, что завтра же прикажет наказать его палками. Она сразу обвинила его в измене, потому что была так же подозрительна, как и муж. Иродиада не верила наемникам из Себастии и Кесарии. А Закария Димитракис был греком из Александрии. Кастул и вовсе был вавилонским евреем. «Зря Ирод полагается на идумеев и вавилонских евреев. Среди них не может быть надежных и преданных людей!» – подумала она, бросая раздраженный взгляд на взволнованное лицо идущего рядом воина.

Тем временем, не подозревая о том, что уже приговорен к мучительному наказанию, Закария продолжал рассказывать о том, что происходит с Иродом, интонацией, мимикой и жестами выражая искреннее сочувствие безумцу. Они приблизились к балконному пролету, на котором тот находился. Внезапно крики замолкли, и воцарилась нехорошая, почти зловещая тишина. Иродиада приказала стражникам оставаться на месте, а сама решительно направилась на балкон.

Ирод застыл возле мраморной колонны. В черной накидке он практически слился с ней. Иродиада бесшумно приблизилась к мужу и, стараясь говорить как можно мягче, промолвила:

– О мой Ирод. Посмотри на меня. Это я, твоя Иродиада, – женский голос звучал тихо и успокаивающе. – Ты звал меня, и я пришла.

Она осторожно прикоснулась к его руке. Ирод вздрогнул, словно его ужалила змея, и, дико озираясь, отскочил. Бросив исподлобья подозрительный взгляд на жену, он хрипло спросил:

– Зачем ты лжешь, злобный дух? Ты не Иродиада. Ее здесь нет! Разве ты не знаешь, что она уже давно покинула меня и вернулась к моему брату? Говори правду, кто ты? Или я тебя убью, – пригрозил он и, приблизившись, крепко и больно сжал ее руку. Глаза безумца дико блестели. Он не узнавал жену.

– Успокойся, Ирод. Это я, твоя Иродиада. Я принадлежу только тебе, – ласково повторила Иродиада, понимая, что противоречить упрямству безумца – значит подвергать жизнь смертельной опасности. Тем не менее она незаметно свободной рукой нащупала кинжал, приготовившись в случае необходимости вынуть его и отразить его нападение.

– Нет, ты не она! Так кто же ты? У тебя за спиной трепещут черные крылья, лицо подобно оскаленной маске. Ты смерть, и ты пришла за мной... О! Я знаю, я очень грешен!.. Но прошу тебя... Уходи, смерть! Пощади. Дай мне еще пожить, – умоляюще пробормотал безумец и разжал цепкие пальцы. Голос его осекся и ослаб. Он задыхался. Отшатнувшись от жены, он прислонился спиной к колонне, потому что ноги не держали его. Обильный пот выступил на мертвенно-бледном лице, губы были красными и сухими. Казалось, что все свои силы он истратил на мольбу о пощаде.

Страх сковал сердце Иродиады.

– Позволь мне поддержать тебя, любимый супруг! Я хочу отвести тебя в наши покои, чтобы ты отдохнул и набрался сил, – вскричала она и подбежала к дрожащему, как в лихорадке, Ироду. Обняв его, она гладила его по вскоченным, влажным от пота волосам, целовала безвольные холодные руки, умоляла очнуться. Услышав ее отчаянные возгласы, ожидающие сигнала солдаты поспешили на помощь. Подхватив тетрарха под руки, они повели его прочь в спальню покои.

Иродиада в смятении стояла на балконе и застывшим взглядом провожала мужа. Холодный ветер усилился. Он завывал и стонал. Огни горящих факелов колебались под его резкими порывами, и от этого стоявшим внизу людям казалось, что смерть и вправду исполняет свою зловещую пляску рядом с ними в предвкушении жертв.

– Прошу тебя, – отвлек Иродиаду Закария. – Смилуйся над несчастными воинами и прикажи отложить казнь, пока наш господин не выздоровеет. Палач не может долго ждать. А люди измучены ожиданием смерти.

– Нет! Приказываю казнить их. Немедленно. Это они виноваты в его болезни и страданиях. А если ты посмеешь еще раз за них заступиться, я и тебя буду считать виновным. А может, ты уже в сговоре с предателями? Тогда тебя следует казнить вместе с ними. – И она с ненавистью посмотрела в лицо начальника отряда охраны, осмелившегося заступиться за своих солдат.

Закария отшатнулся. Его мужественное лицо исказила гримаса негодования из-за столь несправедливого обвинения.

– Клянусь, госпожа, в моих действиях нет измены. Я предан тетрарху и тебе. И отдам свою жизнь за господина и вашу семью. Верь мне, – пылко воскликнул он и, припав перед ней на колени, склонил голову в поклоне.

Иродиада с высокомерным торжеством смотрела на коленопреклоненного грека. Подумав, она решила, что сейчас не готова принимать столь ответственное решение. К тому же еще неизвестно, как к этому отнесется Ирод Антипа, когда очнется. Как бы не навлечь на себя его гнев... Помиловав же Закарию, она обретет в его лице обязанного ей жизнью человека. А это, возможно, пригодится ей в будущем.

– Так и быть. Пока я прощаю тебя. Но отныне мои глаза всегда будут пристально следить за каждым твоим шагом. И помни: я не верю ни одному твоему слову, – холодно произнесла она и добавила: – Ступай и исполни решение господина. Казнь должна свершиться немедленно.

Сказав так, она приблизилась к краю балкона и застыла подобно изваянию.

Закария Димитракис пришел в страшное волнение. Он понял, что жена тетрарха не собирается никуда уходить, желая досмотреть страшное действо казни до конца.

Жажда мести запылала в его сердце. Среди обреченных на смерть находились его товарищи, молодые и здоровые юноши, которые вместе с ним ходили в дальние военные походы, разделяя все тяготы. Они сражались бок о бок с ним и много раз спасали его и тетрарха от гибели своими телами. И то, что сейчас палач должен безжалостно отнять их жизни по надуманному и несправедливому обвинению, казалось ему противоестественным.

На лице Закарии отразилась вся гамма захвативших его чувств. Что ему сделать, чтобы не допустить торжество смерти? Только одно: выхватить кинжал и точным ударом поразить Иродиаду. Однако, сжав кулаки, он остался неподвижно стоять и в беспомощном гневе смотрел на жену тетрарха, стоявшую к нему спиной и не обращающую на него никакого внимания. Потом, глухо застонав, Закария развернулся и пошел прочь.

В душе он давно ненавидел Иродиаду. Будучи греком, приверженным эллинским традициям и вере, провозглашавшей целостность внешней и внутренней красоты человека, Закария не видел в жене тетрарха никакой гармонии. Натура Иродиады казалась ему жестокой и разрушительной, лицо – воплощением гримасничающей смерти, а душа (если она у нее была) – порождением тьмы. И то, что в такую драматическую минуту она, не раздумывая, отдала приказ завершить казнь, лишний раз убедило его в собственной правоте. Он не понимал, как мог Ирод полюбить такую женщину, как Иродиада.

Пока шла казнь, Закария, закутавшись в темный плащ, стоял под аркой ворот, сжимая рукоять кинжала и от отчаяния до крови кусая губы. Он изнемогал от душевной боли, но был не в силах отвести взгляд от разворачивающейся драмы на плацу. Невыносимо сознавать, что внезапный приступ безумия тетрарха и женский каприз обрекли на смерть столько молодых и здоровых воинов, надежных товарищей.

И вновь, в который уже раз, он усомнился в необходимости своей службы тетрарху. Находясь в непосредственной близости от Иродова семейства, изучив изнутри изнанку их праздной жизни, наблюдая жестокость, черствость, презрение и высокомерие к плебеям, слугам, рабам, бесконечную череду казней, сопровождающую пресыщенную удовольствиями жизнь обоих супругов, Закария часто испытывал к ним мучительную ненависть. Но если же ему, пользуясь личной благосклонностью тетрарха, удавалось защитить кого-либо из приговоренных к смерти или отговорить Ирода Антипу от постыдного поступка, благородный воин тешил себя слабой надеждой, что принес людям пользу, которая оказалась ему по силам. И это было единственным обстоятельством, которое удерживало его на службе. Но то, что он видел сейчас, сводило с ума и наполняло сердце отчаянием.

Глава 2

Тетрарх не вставал с постели больше месяца. Решили не объявлять о его болезни во всеуслышание, чтобы не вызвать в народе смуту и панику. Однако скрыть правду не удалось – слухи быстро распространились по Галилее и Галааду. Иудеи считали болезнь Ирода Божиим наказанием, ниспосланным Господом за прелюбодеяние тетрарха с женой собственного брата. Подобные поступки осуждались всегда, и народ открыто выражал недовольство. Ищейки тетрарха старательно вылавливали злонамеренных смутьянов, нещадно избивая их палками, но остановить распространение слухов не удавалось.

Иродиада ухаживала за мужем. Ей помогали немая рабыня и Саломея, которая часто сидела возле него и меняла отчиму холодные укусовые повязки на лбу, подавала еду и питье.

Влажный душный вечер опустился на Галилею. Странная тишина, не колеблемая даже легким дуновением ветерка, застыла в воздухе. Обычно ясное в это время года небо затянула серая дымка, закрывшая солнце. Казалось, природа замерла в ожидании дождя. Но в этих местах он был редкостью.

Из окон супружеских покоев Ирода Антипы и Иродиады открывался превосходный вид на фруктовый сад, разбитый во внутреннем дворе. Возле террасы росло много персиковых и апельсиновых деревьев, их ветки сгибались под тяжестью спелых и сочных плодов. Небольшие брызжущие в разные стороны фонтаны в саду щедро дарили влагу растениям. Окна и двери, выходящие на террасу, были распахнуты настежь. Решетчатые стены террасы обвивали крепкие виноградные лозы, создающие естественную тень и дарящие прохладу.

Супружеское ложе, на котором возлежал Ирод Антипа, стояло в глубине покоев, в просторном алькове, занавешенном прозрачной и светлой тканью. Иродиада сидела на скамье, поглядывая на спящего мужа. Грудь его спокойно и равномерно вздымалась. Решив воспользоваться передышкой и сходить в баню, она велела позвать Саломею и приказала посидеть возле больного, пока ее не будет. Отдав распоряжения прибежавшей на зов рабыне, Иродиада ушла.

Саломея осталась одна. Приблизившись к ложу, девушка с любопытством стала рассматривать распростертого тетрарха. Легкое шелковое покрывало облегалo мужской торс, не пряча ни одного мускулистого изгиба. Саломея залюбовалась его стройными и крепкими ногами, руками. Затем ее взгляд переместился на его плечи. Их разворот показался ей мощным и широким. Неожиданно мужская рука судорожно дернулась, лицо спящего исказилось, и он перевернулся на бок. Покрывало соскользнуло на пол. И Саломея замерла, очарованная представшим перед ней зрелищем.

Хотя она была еще совсем юной, никаких загадок относительно строения мужского тела для нее давно не существовало. Тем не менее открывшийся вид поразил ее неискушенное воображение. Она не могла оторвать от лежащего глаз, позволив себе смотреть туда, куда заблагорассудится. Некоторое время она предавалась созерцанию, и вдруг ей неудержимо захотелось большего – прикоснуться к тому, что она видит.

Затаив дыхание, она подняла с пола покрывало и остановилась в нерешительности. Страх, что спящий проснется, удерживал ее.

Тихо вздохнув, она накрыла покрывалом ноги спящего. Однако не удержалась и дотронулась до его руки. Легко провела по ней пальцами от кисти до локтя. Девушка была настолько поглощена своим занятием и испытываемыми ощущениями, что даже не заметила, как у Ирода дрогнули веки. Отдернув руку, словно обжегшись о горячий сосуд, Саломея заставила себя отвернуться и, смущенная, пошла на террасу.

Сорвав с ветки персик, она с мечтательным выражением лица надкусила его. Потом присела на скамью и призадумалась. Для нее не явилось тайной то, что она испытала при взгляде на обнаженное тело. Она с детства росла среди мужчин, часто ходивших полуобнаженными, и

в своих девичьих мечтах порой рисовала пленительные образы своей будущей любви. Также хорошо она знала, что сильное чувство, которое привело ее только что в такое смущение и волнение, называется вожделением.

Откровением для нее стало другое. Ирод Антипа был мужем ее матери, отчимом, и по его вине распалась их семья. Из-за него умер ее родной отец. И, заглянув в свою душу, Саломея ужаснулась тому, что желает человека, к которому не должна испытывать ничего, кроме ненависти. Мало того! Если до сих пор она равнодушно смотрела на тетрарха, то теперь в ней как будто что-то изменилось. И даже на террасе, находясь в отдалении от него, она не могла избавиться от бродящих, как молодое терпкое вино, возбуждающих мыслей и обжигающих новизной сладких чувств. Ей хотелось вернуться к нему, откинуть прочь покрывало и предаться безумным, бесстыдным ласкам. Но разве это возможно?

«Нет, нет и нет! Я стала так же безумна, как он», – подумала она и встряхнула головой, отгоняя прочь наваждение. Ей стало жарко.

Она позвала рабыню и велела наполнить купальню водой. Неглубокий прямоугольный бассейн был выдолблен прямо в мраморном полу спальных покоев. Исполнив приказание, та поставила на край два кувшина для обливаний, купальные принадлежности, косметику, ящичек с драгоценностями и удалилась.

Саломея скинула платье и вошла в бассейн. Едва слышно напевая песенку, она наклонялась, зачерпывала воду кувшином и, довольная, опрокидывала его на себя. Движения девушки были порывисты и легки, тело блестело от тысячи капель, а влажные черные кудри в беспорядке рассыпались по плечам.

Беззаботная, она и не подозревала, что в этот момент тетрарх пристально наблюдает за каждым ее движением. Ирод Антипа очнулся, когда почувствовал на своей руке прикосновение трепещущих девичьих пальцев, подобное взмахам крыльев бабочки, однако ничем не выдал себя. А когда она удалилась на террасу, он приоткрыл глаза и стал исподволь наблюдать за ней. Сделать это оказалось нетрудно, девушка была поглощена купанием и избегала глядеть в его сторону.

Ирод Антипа сладострастно содрогнулся, вглядевшись в купающуюся Саломею. Все в ней казалось ему совершенным. Ибо это была красота и совершенство расцветающей жизни. Юное девичье тело уже приобрело те самые пленительно-округлые женские формы, способные сводить с ума. Нежное прекрасное лицо казалось одухотворенным, а его выражение – слегка надменным, ведь молодым, но уже осознающим свою красоту женщинам свойственно ощущение превосходства над остальными людьми, которые кажутся им старыми и немощными, тогда как у них самих впереди целая жизнь...

Саломея по-прежнему не замечала, как пристально и жадно следит за ней Ирод Антипа. Сначала тетрарх лежал неподвижно, сдерживая себя усилием воли. Однако, не в силах больше бороться с нахлынувшей страстью, он сбросил с себя мешающее покрывало, поднялся и бесшумно приблизился к купающейся Саломее.

Она услышала и, оглянувшись, замерла. Сначала в ней появился страх, но, всмотревшись в его глаза и не заметив в них ничего пугающего, она успокоилась. Какое-то время они, словно два зверя, изучающее, пытливо и настороженно смотрели друг на друга. Саломея казалась тетрарху доверчивой, но дикой ланью, готовой в любую секунду сорваться и умчаться прочь. И вдруг он увидел, как потемнели ее бездонные черные глаза, дрогнули губы. Все так же молча тетрарх подошел и, сжав ее за плечи, жадно припал к ней, как к сосуду с прохладной водой.

Земля под ногами Саломеи закачалась и поплыла. Подчиняясь инстинкту, она неистово обняла тетрарха за талию и поникла у него на груди. Жгучие поцелуи тетрарха казались ей слаще меда, они жалили ее, как оса, пронизывая насквозь. Спустя несколько мгновений Ирод Антипа взял ее за руку и повел на ложе, которое делил с Иродиадой. Однако в этот момент оба не вспоминали о ней. Они молчали – ибо слова стали им не нужны...

Прошло время, прежде чем они отодвинулись друг от друга.

Саломея была ошеломлена случившимся: Ирод Антипа, муж ее матери, которого она должна ненавидеть, стал первым в ее жизни мужчиной. Она совершила страшный грех! И она остро осознала это, как только порыв внезапной страсти утих. Отвернувшись от тетрарха, она больно закусил губу, понимая, что опозорена и своим поступком предала свою мать. В ее душе поселились стыд и раскаяние.

Однако для Ирода Антипы случившееся представало совсем в ином свете. Осторожно погладив спутанные волосы лежавшей возле него девушки, он тихо пробормотал:

– Ты нежная певчая птичка, присевшая ко мне на ладонь. Ты солнечный луч, напоивший меня своим светом. Саломея, милая Саломея. Ты прекрасна, как не будет прекрасна ни одна женщина. Ты излечила меня. – Охрипший голос тетрарха дрогнул. И она услышала в нем теплоту и искреннюю благодарность.

Саломея недоверчиво обернулась и не увидела во взоре тетрарха ни капли безумия, которое столько времени пожирало его разум. Глаза его смотрели серьезно и ласково.

– Ты говоришь правду. Я вижу ее в твоих глазах и слышу в голосе. Но скажи, что мне делать теперь? Ты муж моей матери, и я не должна была так поступать. Если она узнает, она велит убить меня. – В голосе Саломеи слышались неуверенность и страх.

– Тебе не нужно бояться, что я выдам тебя. Никто не узнает, что здесь произошло.

Он усмехнулся, довольный. Судьба Саломеи теперь была в его руках.

– Скажи, Саломея, тебе наверняка тоже понравилось то, что случилось между нами, правда ведь?

Ироду нужно было убедиться, что это не конец. Она подумала и кивнула. Спустя несколько минут он подошел и снова начал ласкать ее осторожно и нежно, а потом все настойчивее и изощренней.

И вновь Саломея уплыла в удивительную страну сладких грез. Насытившись, Ирод Антипа отпустил девушку и раскинулся на спине. Саломея встала и, пошатываясь, словно после крепкого вина, направилась в бассейн, опустилась в остывшую воду и лежала, пока он одевался и убирал в корзину под кроватью скомканное постельное белье.

– Обернись, чтобы никто не увидел тебя такой, какой видел я, – потребовал Ирод, подходя к купальне и подавая Саломее кусок белой ткани. – Не бойся, мать ничего не узнает про нас.

Его губы раздвинулись в торжествующей улыбке победителя.

– Я ухожу, а ты отдыхай, моя Саломея, – проговорил он и пошел к выходу.

Как только за ним затворилась дверь, в покои бесшумно проскользнула рабыня по имени Миока. Она была немой, поэтому не могла проговориться. Миока глазами спросила у госпожи, что ей нужно. Саломея приказала унести корзину с испачканным бельем, перестлат постель и долить в бассейн еще горячей воды с благовониями. Так она и лежала в купальне, пока не вернулась ее мать.

Иродиада вошла в спальню и увидела, что мужа нет, а Саломея сладко спит, пригревшись в теплой воде. Иродиада разбудила дочь.

– Вместо того чтобы ухаживать за отчимом, ты спишь, как ягненок, Саломея. Не я ли велела тебе ухаживать за ним? Пока ты спала, он ушел, – возмущенно говорила она, возвышаясь над дочерью.

– Не ругай меня, мама, – отвечала Саломея. В глазах девушки не было страха. Она была настоящей дочерью своей матери и унаследовала от той не только красивую внешность, но и природную находчивость. – Я хотела искупаться, пока господин спит. И незаметно заснула... – И Саломея доверчиво улыбнулась. Она вышла из купальни и остановилась перед матерью.

– Как ты посмела купаться перед господином?! Он же тебя видел? – гневно воскликнула Иродиада. Волна возмущения и ревности захлестнула ее.

– Нет, мама. Он крепко спал. Да и смотри, я одета. Эта ткань надежно укрывает меня. Да и зачем ему я, когда есть ты? – с удивлением переспросила она.

Иродиада коршуном взгляделась в лицо дочери. Но лицо той оставалось таким же безмятежным и невинным.

– Ступай к себе. Надеюсь, что с господином по твоей вине ничего не случится, – резко промолвила Иродиада.

– Я тоже на это надеюсь, мама, – кивнула в ответ Саломея.

Но когда она отвернулась и пошла к выходу, в ее глазах светилось неприкрытое торжество и горделивая радость...

Наступила ночь. Ирод Антипа покинул дворец и прошел на конюшню. Велел запрячь самого быстрого арабского скакуна, с силой пришпорил его и поскакал. Он быстро пересек засыпающий город и очутился за крепостными воротами. Не раздумывая, он направил коня в сторону далекого Галаада. Ветер свистел в ушах тетрарха. Ему светила звезда, имя которой было Саломея. Уже и лошадь была загнана и с боков несчастного животного слетала горячая мыльная пена, но всадник ничего не замечал.

Все сильнее и сильнее вонзал он в бока скакуну железные шпоры и несясь вперед, пока не почувствовал: еще один рывок, и жеребец упадет под ним как подкошенный. Только тогда остановил он свою бешеную скачку, спрыгнул и бросил свой плащ на землю. Лег на него на спину, и в тот же миг бездонное ночное небо опрокинулось на него, явив ему тысячу великолепных образов. Но, глядя вдаль на мерцающие звезды, он запекшимися сухими губами шептал: «Саломея! Я нашел тебя, моя Саломея! Моя мечта. Ты – единственная женщина и моя богиня. Ты – моя царица! Ты не похожа на обыкновенную женщину, к которой можно приблизиться. Но я обрел тебя и обладал тобой!»

Радость бытия пронзила его. Ироду хотелось воспарить в небо и летать. Тяжелые видения, терзавшие его душу и тело, отпустили его. «Я выздоровел! Выздоровел. Это сделала она! Моя Саломея прогнала их!» – радостно, как заклинание, повторял он снова и снова. Однако вслед за всплеском радости в его душе снова воцарилась знакомая пустота. С тоской глядел он на лукаво подмигивающие ему издалика звезды и беззвучно спрашивал:

– Господи всемогущий! Зачем же ты послал мне безумие и это искушение? Как устоять?

Молчание было ему ответом. Где-то вдалеке раздавались крики ночных птиц, слышался вой рыскающих среди скал зверей. Ирод не боялся, что его может растерзать тигр или лев. Не это занимало его мысли и тревожило сердце. Чем дольше всматривался он в ночное небо, тем сильнее сознавал собственную ничтожность по сравнению с величием мироздания...

Он лежал еще долго, потом понял: пора возвращаться...

Он встал и безжалостно потянул за узды усталого скакуна. Тот поглядел на хозяина печальными глазами, с трудом поднялся. Запрыгнув на жеребца, Ирод похлопал его по холке и направился обратно в Тивериаду.

Глава 3

Галилея по праву считалась лучшей частью Иродова государства. Особенно хороши места возле Генисаретского озера, сквозь которое протекает река Иордан. Природа здесь отличается мягким климатом и плодородной почвой. В те времена Галилея напоминала сплошной огромный сад, где в изобилии произрастали разнообразные виды фруктов. Жители страны происходили из египетских, арабских, финикийских племен; в городах и поселениях жили эллины, иудеев было мало. Весь этот пестрый люд молился разным святыням, но большинство из них исповедовало упорно насаждаемый иудаизм. Чистокровные евреи презирали галилеян, и у них в ходу была следующая пословица: «Что доброго может быть из Галилеи?».

Перея же, обширная область за Иорданом, была дика и бесплодна, поэтому малолюдна, а кроме того, она соседствовала с беспокойным арабским миром.

Отстроенный Иродом на берегу Средиземного моря город Акко тоже занимал выгодное положение. С запада его омывали теплые и богатые рыбой морские воды, а на севере и востоке окружали Галилейские горы. Жители раскинувшихся в их низовьях поселений занимались садоводством и огородничеством. Повсюду привольно шумели цветущие долины, апельсиновые и гранатовые сады, сливавшиеся на горизонте с небом.

Благоприятный климат и удобная естественная гавань превратили Акко в преуспевающий город-порт. Его жители обладали жизнерадостным и веселым нравом и были трудолюбивы, как пчелы. Среди них можно было отыскать представителей многих народов: хананеян, самарян, эллинов, греков, идумеев, иудеев. Живущие на оживленном перекрестке морских торговых путей, все жители Акко были впечатлительны и восприимчивы к новизне, легко поддавались смелым идеям, завозимым к ним по морю со всех концов света. Во времена Ирода город процветал так же, как и Тивериада. Но если Тивериада, где находилась резиденция Ирода Антипы, подчинялась ритму дворцовой жизни, то Акко был городом трудового и ремесленного люда: небогатых патрициев, плебеев, ремесленников, торговцев и рыбаков.

Каждый день, едва начинало светать, на берег приходило множество людей и воцарялись шум и гам. Одна за другой приплывали с моря лодки, которые покачивались на волнах вдоль всего побережья. На носу лодок устанавливали железные корзины с отверстием, в которых разжигали огонь, чтобы приманивать рыбу в темноте.

Под вечер рыбаки вытаскивали улов из лодок, взвешивали его и складывали в заранее приготовленные корзины. Женщины дожидались мужей и сыновей на берегу, потом наравне с мужчинами несли громоздкие корзины домой, сгибаясь под их тяжестью. Многие рыбаки оставались на ночь и продолжали ловить на удочку или сетью.

Так было и в это утро. Выгрузив улов, Натан вместе с сыновьями Симоном и Иосифом принялся перебирать рыбу и искать прорехи в снастях. Старшему сыну было двадцать лет, младшему – восемнадцать. Оба они, как и отец, имели характерную иудейскую внешность: черные блестящие глаза, узкий лоб, нос с горбинкой, выпуклые губы и густые жесткие и курчавые волосы. На этом сходство заканчивалось. Характером братья были две противоположности.

– Отец, пойду брошу сеть возле того валуна, пока там никого нет, – сказал Симон, казавшийся более разговорчивым, чем брат. Уже с ранних лет юноша обнаружил в себе неискоренимую тягу к знаниям. Он хорошо и связно рассуждал и имел собственную точку зрения на происходящие вокруг события. Симон был тверд характером, решителен и вырос отважным человеком.

– Ступай, – отозвался Натан, – но будь осторожен. Вчера вечером к твоей матери приходила Рахель и рассказала, что Мордехай рассек в том месте ногу. Не могу взять в толк, где бедняга умудрился найти острый камень?

– Мордехай – старый человек. А за меня не беспокойся, – добродушно улыбнулся Симон. Собрав в кулак середину сети, напоминавшей огромный сетчатый зонтик, он не спеша направился в море. Добравшись до места, юноша замер и стал пристально всматриваться в колышущуюся темную воду.

Тем временем отец и брат продолжили взвешивать и сортировать по корзинам выловленную рыбу. Часть улова пойдет на продажу, часть – на налоги и в казну, а часть – на еду.

– В эту субботу мы идем на вечернее богослужение в синагогу, – напомнил Натан сыну. Он мог бы этого и не говорить. Каждую субботу семья в полном составе приходила в Дом собрания на одной из дальних улиц иудейского квартала.

– Конечно, – кивнул головой Иосиф. – Я слышал, что Симон вместе с товарищами собирается к Иордану, чтобы послушать крестителя. Он сказал, что может не вернуться до субботы.

– Он хочет пропустить синагогу ради человека, которого ищут охранники тетрарха? Но это очень опасно, – покачал головой Натан и вздохнул. – Я слышал об этом крестителе. Говорят, что он возвещает людям о приходе Мессии и призывает к покаянию.

– Когда вчера Симон торговал на базаре, он видел его. Он рассказывал, что креститель собрал на площади много людей и возвестил, что Мессия уже на земле. Люди слушали его, открыв рты. Но потом прискакали ищейки тетрарха и всех разогнали.

– А креститель?

– Ему помогли скрыться.

– Но если он утверждает, что Бог уже здесь, тогда он должен назвать себя пророком Илией. А Рахель сказала, что он запрещает так себя называть. Значит, он лжет. Раввин Авраам тоже говорил, что мы не должны верить этому бродяге, потому что он не соблюдает основных законов. Рахель видела, что он ест хлеб немытыми руками и зовет каяться в субботу, – покачал головой Натан. В его голосе звучало осуждение.

– Все говорят, что он вершит чудеса покаяния. Но никто до сих пор их не наблюдал. – Иосиф вздохнул. Юноше было жаль, что никто до сих пор не обнаружил доказательств чудес.

– Позволь мне пойти с братом. Интересно посмотреть на крестителя. Я вернусь и расскажу тебе! – произнес Иосиф, и глаза его загорелись.

– Нет, ты не пойдешь. И раввин запретил тебе. Ты наберешься дурного! Давай лучше отнесем эту корзину торговцу, – сказал Натан, давая понять, что разговор окончен. Крикнув Симону, что они уходят, Натан нагнулся и взял за ручку корзины. То же самое сделал Иосиф. Правда, при этом огорченно вздохнул.

– Ты должен слушать меня и нашего раввина, – поучал Натан сына, пока они шли к лавке торговца. – Он правильно растолковывает нам Священное Писание и законы Моисея. Так было с древних времен. И так будет всегда. У добропорядочного еврея не может быть много учителей и наставников – только один Бог. А раввин говорит о Боге.

Натан гордился сыновьями, особенно Иосифом. Его гордость разделял и раввин Авраам. Несколько месяцев назад, когда Натан пришел в синагогу, раввин подозвал его к себе и сказал, что хочет помочь Иосифу овладеть законоведением и юриспруденцией, потому что он умный и пытливый юноша, прилежно изучающий науки. Натан был очень растроган похвалой и только кивал в знак согласия. А раввин, продолжив разговор, неожиданно упрекнул его в том, что он не смотрит за старшим сыном, Симоном.

– Скажи, Натан, почему твой сын всегда ходит по городу с кинжалом под платьем? – поинтересовался раввин. Его глаза строго блеснули из-под лохматых бровей и нависшей на лоб кепы.

Рыбак пришел в замешательство. Его и самого настораживал этот факт. Однажды он даже спросил Симона о кинжале. Но тот в ответ улыбнулся и объяснил, что кинжал висит для защиты и красоты. А он-то, старый дурак, поверил и успокоился. Но, оказывается, не он один это заметил. И не только заметил, но и сделал плохие выводы. Вконец расстроенный

Натан смотрел на раввина и растерянно вздыхал. Заметив, какое впечатление произвели на взволнованного отца его слова, раввин смягчил тон и заботливо прибавил:

– Не хочу тебя упрекать, Натан. Ты достойный и уважаемый в городе человек. У тебя хорошая семья. К сожалению, когда дети вырастают, они перестают нас слушать. И поступают так, как им кажется правильным. Но часто ошибаются, потому что молоды и не всегда могут отличить добро от зла. Присмотрись к сыну повнимательнее. Сдается мне, что он примкнул к секариям¹. То, что он чтит наши законы, – это хорошо. Однако методы, которыми эти люди добиваются их соблюдения, – ужасны. Я знаю многих zelотов. Это уважаемые среди фарисеев и книжников люди. Но секарии – это уже зло. Они организуют заговоры и поднимают восстания. Ты же понимаешь, как это опасно! Если твой сын не одумается, ищейки Ирода Антипы рано или поздно поймут и казнят его.

В тот день Натан вышел из синагоги с тяжелым чувством и твердым намерением приглядеть за Симоном и поговорить с ним.

Будучи фарисеем, книжник Авраам правильно угадал принадлежность Симона к секариям – и фарисеев, и zelотов отличало ревностное и щепетильное отношение к строгому и формальному соблюдению законов иудаизма.

Когда Натан и Иосиф вернулись обратно на берег, они увидели, что Симон сидит на корточках возле разложенной на песке сети и о чем-то оживленно спорит с Иаковом, сыном рыбака Хаима. Заметив их, юноши примолкли и принялись сосредоточенно перебирать разложенные сети, выискивая в них прорехи.

– Здравствуй, Иаков. Что-то я сегодня не видел твоего старика. Как он? Здоров? – спросил Натан.

– Спасибо, дядя Натан. Отец здоров. Сегодня его очередь торговать на базаре. А я ловлю, – живо откликнулся Иаков и кивнул головой на пустую лодку, покачивающуюся неподалеку. Ему было около двадцати четырех лет. Высокий, сильный и выносливый, он не уступал Симону по характеру – был таким же решительным и твердым.

– Где же рыба, которую ты наловил? – хитро прищурившись, спросил старый рыбак, намеренно усомнившись в честности Иакова.

– Я кидал сеть. Но поймал мало и уже все отнес, – снова охотно пояснил Иаков.

– Ну хорошо. А что же ты теперь сидишь без дела?

– Как без дела? – удивился Иаков. – Я помогаю Симону.

– Спасибо, сынок, – ласково ответил Натан, – но мы с Иосифом вернулись, и особой нужды в твоей помощи больше нет. Иди-ка ты лучше к отцу. Думаю, ему ты понадобишься больше.

После разговора с раввином Натан в каждом товарище сына видел опасного заговорщика. Иаков понял, что отец его друга почему-то не хочет, чтобы он оставался. Он встал и вежливо попрощался.

– Будем ждать тебя сегодня в Зеленой роще, – многозначительно бросил он напоследок Симону. – Там и поговорим.

С этими словами он удалился.

– Зачем тебе нужно идти в Зеленую рощу? И о чем это он собрался с тобой разговаривать? – подозрительно поглядел Натан на сына, когда они остались одни.

– Это касается только меня! – неожиданно дерзко и вызывающе ответил Симон, и его лицо вспыхнуло. Он вскочил, скрестил руки на груди, отвернулся и уставился на море. Вид у Симона был крайне независимый.

---

¹ Зелоты – религиозное течение в Иудее, сформировавшееся во второй половине I века до н. э., в эпоху Маккавеев. Их основная цель заключалась в том, чтобы любыми способами упразднить эллинистическое влияние и свергнуть римскую власть. Секарии, относящиеся к zelотам, считались фанатиками. Они ревностно защищали древние иудейские законы и чистоту иудейской крови, убивая тех, кто, по их мнению, совершал святотатство или нечто противное духу иудаизма.

– Что это значит? Ты дерзок, – начал свою отповедь Натан. – Ты мой сын и не должен так поступать!

– Ты прогнал моего товарища. Что плохого он тебе сделал? Ты обидел его, а значит, и меня. – Симон взглянул на отца, потом на брата, словно ища у того поддержки.

– Правда, папа, – встрял в разговор Иосиф, который сидел на корточках и ловил каждое слово, – мне тоже показалось, что ты был несправедлив к этому доброму юноше. Видишь, пока нас не было, Иаков помог Симону заделать все прорехи в сети. Я не нашел ни одной.

– Вот вы как... Вдвоем против отца, – укоризненно покачал головой рыбак. – Нечего сказать, молодцы. Уж ты-то, Иосиф, должен понимать, почему я переживаю за твоего брата. А ты его поддерживаешь.

– Пойдите! – удивленно переспросил Симон. – Не могли бы вы объяснить, о чем вы говорите? С чего вы решили за меня переживать?

Лицо его стало серьезным.

– Эх, сынок. Не надо делать вид, что не понимаешь мои слова. Разве это не ты стал секарием? – спросил Натан, и в его голосе прозвучало осуждение.

Симон нахмурился и встревоженно огляделся. Берег был пустынен. Лишь вдалеке возле лодок стояли и разговаривали о чем-то рыбаки. Ветер дул в другую сторону, и вряд ли до них долетели неосторожные слова отца. Увидев, как изменилось лицо сына, Натан понял: раввин Авраам не ошибся. Сердце рыбака сжалось от тревожных предчувствий.

– Неужели это правда? – Старик замолчал. Ему хотелось, чтобы сын весело рассмеялся и заверил, что его тревога напрасна. Однако Симон продолжал молчать, хмуро глядя под ноги.

– А что же ты молчишь? Скажи, это правда? – переспросил Натан, уже догадываясь, какой получит ответ.

– Да, – нехотя буркнул Симон и поднял взгляд на отца. В его глазах промелькнула тоска.

– Вот видишь, сынок, что получается. Твой отец последним узнал о том, что ты примкнул к разбойникам и убийцам. Знаешь ведь, как это опасно?! – воскликнул старик.

Не выдержав укоризненного отцовского взгляда, Симон виновато опустил голову.

– Посмотри на меня. Я не буду тебя ругать. Ни к чему это. Ты уже взрослый, хотя порядочному сыну не подобает скрывать от отца правду, – сказал Натан. – Дай мне слово, что бросишь это опасное занятие и порвешь с ними! Прошу тебя! Сделай это ради меня, матери и брата!

В его голосе слышалось отчаяние. В глубине души старик знал: уговоры бесполезны, сын был упрям и не отступит.

– А ты что молчишь? Или тебе нравится, что делает твой брат? – набросился он на младшего сына.

– Нет, папа, что ты! – воскликнул Иосиф и обернулся к Симону: – Можешь не бояться, что я или отец выдадим твою тайну. Но он прав. Тебе лучше бросить этих людей и их движение. Они разбойники и присвоили себе право ударами кинжалов доказывать свою правоту и убеждения. Они отнимают жизни. Но наш Господь не ждет от людей подобных искупытельных жертв.

Симон сердито посмотрел на отца и брата и твердо ответил:

– Вы призываете меня отречься от моего движения и идеи? Я не сделаю этого никогда. Я присягнул отдать жизнь за чистоту веры и святость и, если понадобится, сделаю это без сожаления. Господь есть единственный и истинный царь всех людей! Но фарисеи лицемерны и не способны оказать сопротивление усиливающемуся Риму. Кто поможет иудеям соблюдать святость и чистоту древних законов?! Отвечу: никто, кроме нас – zelотов и секариев. Мы освободим Галилею от поправших нашу свободу римских легионов. Римляне – наши враги. Их легионы поработили мир. Но Галилея рано или поздно будет свободной. Мы будем сопротивляться и поднимем на борьбу все народы.

– Пожалей отца, брат! – воскликнул Иосиф. – Посмотри на него. После того как он узнал твою тайну, он места себе не находит. Знай, я не буду осуждать тебя за то, что ты оступился и стал жестоким фанатиком, готовым за малейшую провинность отнимать дарованную Господом жизнь.

Симон прочел в глазах Иосифа сожаление и грусть. Так смотрит на несмышленного ребенка взрослый человек, который видит его ошибки и всем сердцем желает помочь.

– Ты? Да как ты можешь меня осуждать! – с иронией усмехнулся он. – Перестань лицемерить, Иосиф. Ты у фарисеев самый благочестивый послушник. Ты чтить наши законы, но, как и остальные, покорился идолопоклонническому Риму. Почему ты не ропщешь против того, что Рим завоевал Галилею и попирает законные права иудеев? Потому что все, что происходит вокруг, ты принимаешь за дар Господа. Да ты просто ханжа! Ты готов подчиняться любому насилию, лишь бы тебя не трогали, и не способен бороться против завоевателей.

Да, я – zelot. Я – секарий! И никогда не стану ничьим рабом! Нельзя мириться с тем, что римляне и их вассал угнетают иудейский народ. Отец Ирода Антипы вззошел на престол благодаря Риму. Разве не он казнил сорок пять членов синедриона? Не он ли мстил всем приверженцам Антигона и хасмонеи династии? Не он ли изгнал из страны многих знатных иудеев и членов синедриона, отняв у них имущество? Не он ли окружил себя греками и римлянами, раздав им важнейшие государственные должности? А Ирод Антипа, тетрарх, идет по стопам своего отца. Он также присягнул на верность римским завоевателям и этим попрал наши законы. Этот потомок эдомитов намеренно отстраняет иудеев от власти и управления страной. Он запятнал свое имя и наши древние законы кровосмешением: живет с женой брата. Ирода надо судить по заслугам! И именно мы, секарии, избавим нашу страну от правителя, завладевшего высшей властью с помощью римской диктатуры, предательства и обмана. И потом, с чего ты взял, Иосиф, что я боюсь твоего осуждения? Наш Господь милосерден и готов простить любое прегрешение. А нашими руками он карает людей за несоблюдение законов и идолопоклонничество.

Закончив свою пламенную речь, этот ревностный сторонник сопротивления всему римскому скрестил руки на груди и презрительно смотрел на притихшего Иосифа.

Тем временем старый рыбак, потрясенный речью сына, в ужасе схватил его за руку и воскликнул:

– Опомнись, сынок! О чем ты говоришь? Ты не должен обвинять своего брата. Он пример благочестия и послушания для всех нас. И раввин тоже так считает. А ему нужно верить. У евреев только один учитель – благочестивый и седой раввин, который каждую субботу с доброй улыбкой и уважением встречает их на пороге синагоги. У нас есть еще один главный учитель – это наш Господь! Но я никогда не слышал, чтобы он призывал кого-то убивать или карать людей за несоблюдение древних законов. Ты просто слепец! Ибо ты – человек и должен знать, что всякий может ошибиться. Ты же отступаешь от законов Господа, отнимая жизнь у других людей, подобно жестокому разбойнику. Имеешь ли ты право, Симон, вершить суд над жизнью, как Господь?

– Я не откажусь от своей борьбы, – упрямо и твердо произнес Симон. Старик растерянно посмотрел на сына.

– Вижу, что ты не слышишь меня! Ладно, о себе ты не думаешь, но, может быть, пожалеешь мать? – с надеждой спросил он. И снова Симон отрицательно покачал головой.

– Эх, сынок, сынок, не думал я, что ты избереешь столь ужасный и несправедливый путь. Он принесет нам с матерью одни страдания, а тебе мучительную смерть от руки палача. Ты убиваешь не только себя, но и нас, – грустно произнес старик.

В воздухе повисло тягостное молчание. Видя, что сын продолжает стоять как каменное изваяние, старик первым прервал его:

– Я буду молиться о твоём спасении, сынок. И буду просить Господа, чтобы он помог тебе остановиться и избрать иной путь.

Отвернувшись от сына, он вытер глаза и велел Иосифу собрать снасти. До самого дома старик не проронил больше ни слова.

Глава 4

Вечером того же дня на поваленной ветром сикоморе в роще, которую горожане называли Зеленой из-за обилия растущих в ней могучих кедров, каштанов и сикомор, сидели и оживленно обсуждали предстоящее восстание трое отважных юношей-зелотов. Одним из них был Иаков, сын Хаима, двое других юношей, родные братья, пришли из Сепфориса. Звали их Тувия и Элеазар.

Тувия, старший брат, был одним из предводителей сепфорисских зелотов. На вид ему было около тридцати лет. Черные спутанные волосы оттеняли его мужественное и решительное лицо, сверкающие черные глаза. Он был смел, образован и начитан. В его взгляде, как и у Симона, светились незаурядный ум, твердая воля и сильный характер. Он был высок, физически крепок и прекрасно сложен. Когда он выступал перед народом, речь его всегда звучала страстно и выразительно. В своих выступлениях он придерживался стройной логики и старался приводить неоспоримые доказательства. Втайне от брата Тувия надеялся со временем занять высшую ступень в иерархии сообщества и прославиться. Но уже сейчас, будучи совсем молодым, он пользовался в Сепфорисе заслуженным уважением и авторитетом среди зелотов Галилеи.

Его младший брат Элеазар был на вид тщедушен и хил. Черты его лица с высоким лбом были мелкими и невыразительными, а взгляд казался ускользающим. Характер Элеазара вполне соответствовал его внешности – был завистливым, мелочным и злобным.

До этого вечера братья не были даже знакомы с Иаковом. Однако специальная система паролей и сигналов позволяла заговорщикам узнавать друг друга.

На траве возле них стояла корзина с провизией. Они по очереди извлекали из нее пироги с рыбой, сыр, вяленые бобы и маслины, ели и разговаривали, дожидаясь Симона. Каждый вечер влюбленные парочки бродили между деревьями в Зеленой роще в поисках уединения или же сидели, обнявшись, на бревнах, поэтому зелоты могли спокойно разговаривать, не опасаясь привлечь к себе внимание. Сгущались сумерки, и небо быстро заволакивала пелена надвигающихся облаков.

– Римляне и их сторонники хотят унизить и попортить права нашего народа. Клянусь, они получают в ответ сопротивление и море крови! Жажда мщения переполняет наши сердца, ибо мы понимаем, к чему ведет зависимость любимой страны от римской тирании. Но как объяснить это народу? Как доказать, что партия зелотов, безжалостная, как десница Бога, делает для всеобщего освобождения гораздо больше, чем партия сторонников мира?

Саддукеи в богатых одеждах, получающие подачки от римского диктатора, избегают любого насилия, не хотят изменений в общественной жизни. Прикрываясь лозунгами о необходимости следовать букве закона, они называют себя сторонниками мира, забывая при этом об угнетенном иудейском народе и духе Торы. Нас они обвиняют в безумии, а сами занимаются ростовщичеством, думают только о личной выгоде и благе. Партия саддукеев пользуется огромным влиянием у простых людей. Но они сотрудничают с римлянами. Пока народ безмолвствует, жадные саддукеи жируют. А от нас, истинных борцов за восстановление его прав, простой народ в страхе отворачивается и бежит прочь. Как это несправедливо! Как доказать народу нашу правоту? Что ж... Если так суждено, пусть будет смерть за смерть. Но когда же?! Когда наш народ воспримет правоту наших идей? Ради этого я готов отдать свою жизнь, – искренно признался Иаков, которого давно терзали самые противоречивые мысли на эту тему.

– Ты правильно говоришь, – спокойно отозвался Тувия. Он встал и, облокотившись на дерево, изучающе посмотрел на взволнованного юношу. – Мне понятен твой порыв, и я согласен с тобой. Но ты никогда не задумывался, почему мы не пользуемся такой популярностью среди простого народа, как саддукеи и фарисеи? Может быть, не пришло еще время? Или мы

что-то делаем не так? Неужели мы всегда поступаем правильно и кровь проливается не зря?! И хотя я считаю подобные вопросы крамольными и подрывающими авторитет нашего движения, все же постараюсь ответить на них.

Он замолчал, обдумывая, как доходчиво изложить свою мысль простому рыбаку. Потом продолжил:

– Все просто! Человек по природе – слабое и боязливое существо. Ему необходима уверенность в том, что он будет спокойно и долго жить и не умрет от случайного удара кинжала или меча легионера. Даже если такой человек проникнется идеями сопротивления и борьбы за свободу и равенство, ему в силу естественного инстинкта самосохранения всегда будет противна смерть. Каждый верит в то, что будет спасен сейчас или после того, как умрет. Жизнь не приемлет смерти, ибо эти два понятия несовместимы и противоречат друг другу. Никто не хочет умирать. Живое всегда бежало и будет бежать от смерти. А наше движение повсюду сопровождает кровь, которую мы проливаем ради правильного толкования законов наших предков.

– Так все ли мы делаем правильно? – спросил Иаков и подался вперед. В его глазах мелькнуло сомнение. Сидевший рядом с ним Элезар невольно отодвинулся и бросил на него исподлобья подозрительный взгляд.

– Не сомневайся. Все, что мы делаем, – мы делаем во имя нашего Господа. А ради него и нашей победы в восстании можно все претерпеть.

– Сколько же ждать?

– Недолго. Совсем скоро настанет наше время, как пришло когда-то время восставших хасидеев. Давайте же наберемся терпения, друзья, и положимся на волю нашего Господа Яхве. Притесняя иудейский народ, римляне, сами того не желая, только сильнее сплачивают нас. И нам будет легче привлекать народ к освободительной борьбе! Мы горды и своевольны. Наша главная сила – в единстве и поддержке друг друга. Уверен, если бесчинства римских солдат продолжатся, все больше людей перейдет на нашу сторону, – убежденно заключил Тувия.

В его голове давно зрела мысль напасть на какой-нибудь отдаленный римский таможенный пост, приблизив начало восстания. Но, поразмыслив, он отказался от этой идеи, решив, что будет лучше, если они привлекут на свою сторону больше народа, как следует подготовятся к восстанию и положатся на естественный ход событий.

– Наверное, ты прав. Каждому иудею Галилеи придется рано или поздно сделать жизненный выбор. Значит, ты думаешь, что пока рано поднимать восстание? – разочарованно переспросил его Иаков, который в мечтах уже давно одержал победу над римскими легионами и тетрархом.

– Да, дружище! Для решительных действий нам не хватает воинов, доспехов и оружия. Но самое главное – еще не весь народ на нашей стороне. Мы должны постоянно разговаривать с людьми, разъяснять им наши идеи, чтобы они могли воочию убедиться в нашей правоте, решительности, смелости и силе. А когда мы наберем достаточно оружия и людей, тогда и поднимем сокрушительное восстание против римлян. А сейчас нам необходимо просто быть осторожными и сохранить наши жизни. Кстати, об оружии. Удалось ли вам изготовить еще что-то? – спросил Тувия.

– Да. Мы собрали и изготовили триста дротиков, двести копий и сто мечей, – с гордостью отозвался Иаков.

– Молодцы. Надеюсь, оружие надежно укрыто?

Иаков кивнул:

– За это не беспокойся! Когда вернетесь с Симоном с Иордана, мы покажем, где оно спрятано.

– А факелы?

– Есть. Спрятаны там же.

– Хорошо, – произнес довольный Тувия и многозначительно переглянулся с Элеазаром. Юноши замолчали. Увлечшись разговором, они не заметили, как их постепенно окружила ночная темнота. По всему небу замигали звезды. Изредка выглядывая из-за туч, луна светила бледно и неровно, навевая тоску.

– Похоже, твой Симон не придет. А нам уже пора, – промолвил Тувия и с сожалением вздохнул. – Дорога к Иордану займет полночи. Предлагаю еще немного подождать и двинуться дальше.

Он посмотрел на брата. Тот кивнул.

– Он придет. Обязательно, – отозвался Иаков. Его тоже удивляло, что Симон задерживается. Иаков встал с бревна и направился на край рощи. Оттуда была видна освещенная луной и петляющая в поле, широкая дорога, по которой горожане добирались до рощи. Юноше пришлось напрячь зрение, чтобы разглядеть огни в домах на городской окраине.

Тем временем за его спиной состоялся следующий разговор:

– Я понял тебя. Ты, как и я, не доверяешь этим людям? – тихо спросил Элеазар.

– С чего ты взял? Я рад, что они согласились показать нам, где спрятано оружие. Если их когда-нибудь схватят и казнят, наше общество сможет им воспользоваться.

– Я бы на твоём месте не слишком им доверял, – произнес Элеазар, отличавшийся чрезмерной подозрительностью.

– Иаков знает пароль. Это подтверждает, что он zelot. Он открыто высказал нам свои взгляды. У него на поясе кинжал, и, судя по рукоятке, висит он там не для красоты. Они с Симоном возглавляют местное движение сопротивления. Сам Гиркан назвал их в числе тех, к кому мы можем в первую очередь обратиться за помощью. Священник сказал, что именно они помогли надёжно укрыть в скалах оружие и доспехи. Разве этого недостаточно? – Тувия медленно сделал несколько глотков воды из бурдюка.

Несколько месяцев назад сепфорийские zeloty действительно получили от своих тайных римских покровителей, готовивших заговор против Тиберия, оружие: мечи, кинжалы, дротики. Оно было благополучно переправлено на судне в Акко и тщательно припрятано местными zelotами в Галилейских горах. Руководили операцией Симон и Иаков.

– Как знаешь, но я все равно ему не доверяю, – упрямо произнес Элеазар. – Этот секарий сомневается в наших действиях и задает слишком много вопросов.

– Уже завтра мы сможем их проверить. А пока давай подведем итоги. Итак, здесь у нас есть оружие. Это хорошо, но этого мало. Главное – привлечь как можно больше сторонников. Посмотрим, что предложит его товарищ! А пока давай разожем огонь, чтобы не сидеть в темноте.

С этими словами Тувия встал и принялся собирать сухие ветки. Через несколько минут на поляне весело затрещал костер, освещая сосредоточенные лица zelotov. Наконец на дороге, которую неусыпно сторожил Иаков, показался человек с сумой на плече. Это был Симон.

– Привет тебе, Иаков! – радостно произнес он.

– Наконец-то, дружище! Почему ты задержался? – спросил его Иаков.

– Мне надо было встретиться с одним знатным и влиятельным человеком, который служит у тетрарха.

– И он согласился принять и выслушать тебя? – удивленно спросил Иаков.

– Да. Скажу больше, он сам попросил священника о встрече со мной.

Симон улыбнулся. Видно было, что он очень доволен.

– Пойдем к нашим братьям, и я все расскажу.

Он кивнул в сторону костра.

– Приветствую вас, – проговорил Симон, приблизившись к zelotам. Те встали, и юноши крепко пожали друг другу руки.

– Привет и тебе, Симон. Рады видеть тебя, хотя и ждали очень долго, – отозвался Тувия, с интересом разглядывая стоящего перед ним юношу.

Он с первого взгляда почувствовал к нему симпатию. Мужественное лицо Симона выдавало в нем серьезного и решительного человека.

– Итак, мы собрались, чтобы познакомиться друг с другом и разработать совместный план действий. Скажи, Симон, думали ли вы, как низвергнуть Ирода и поднять иудейский народ на борьбу? – спросил Тувия.

– План у нас есть, – ответил Симон. – Но для начала расскажу, почему задержался. Сегодня я повидался с одним человеком. Он приехал вчера из Тивериады и дожидается кораблей, которые скоро должны прибыть из Индии. Из разговора с ним я понял, что его сердце переполняет жажда власти и безумное тщеславие. Этот человек не иудей. Но он богат, один из приближенных нашего врага и может быть нам полезен. Чтобы победить, нам нужны покровители среди вхожих во дворец знатных людей, – добавил он напоследок.

Зелоты из Сепфориса в изумлении переглянулись между собой. Тувия взволнованно воскликнул:

– Признаюсь, Симон, не ожидали услышать от тебя столь радостное известие. Знатный человек, приближенный к тетрарху, действительно будет полезен. Назови его имя. В случае провала мы немедленно убьем его.

– Его зовут Сигон Элий Руф.

– Я кое-что слышал об этом человеке. И то, что ты говоришь, похоже на правду. Мне рассказывали, что среди его солдат много противников Ирода, – произнес Тувия, подумав, что Симон и впрямь обладает выдающимися организаторскими способностями. Тувия был хорошо наслышан о его храбрости от Гиркана и теперь своими глазами убедился в этом.

– Вот что я скажу вам, друзья! От лица нашей общины заявляю, что мы готовы объединить с вами наши силы. Если завтра мы решимся выступить против тетрарха, нам необходимо разработать общий план действий и выбрать того, кто возглавит восстание. Через Сигона Элия Руфа, командующего легкой пехотой, мы сможем привлечь на свою сторону много новых воинов. Они помогут нам отстоять права иудеев с оружием в руках. И мы добьемся победы! – взволнованно произнес Симон и вопросительно посмотрел на остальных. В его голосе звучала глубокая убежденность.

Однако Элеазар недоуменно пожал плечами, а Тувия отрицательно покачал головой.

– Нет, Симон. Твои надежды напрасны. А то, что ты предложил, неосуществимо. Мы можем рассчитывать только на свои силы. Нельзя надеяться на то, что с помощью этого человека мы привлечем в наши ряды много новых солдат. Наверняка он преследует свои цели. И как только добьется их, сразу передаст нас в руки римского правосудия. Но твоя решительность и искренняя вера в нашу победу вызывает уважение, – одобрительно произнес Тувия и снисходительно похлопал Симона по плечу. – Мы, как и ты, надеемся на это. И готовы заплатить за нее кровью Ирода! Он и Иродиада – первопричина всех бед. Поганое Иродово семя...

В голосе Тувии прозвучало глубокое презрение.

– Ты сказал, что этот Сигон Элий Руф сегодня прибыл из Тивериады?

– Да, – подтвердил Симон.

– Возможно, еще несколько дней он будет жить в казарме. За это время мы успеем вернуться и встретиться с ним. Я передам ему деньги и договорюсь обо всем! – решительно сказал Тувия и замолчал, предавшись размышлениям и задумчиво глядя на догорающий костер.

Иаков встал и пошел в чашу собирать хворост. Вернувшись, он подбросил очередную охапку сухих веток в костер, и лица сидящих юношей осветило пламя. Тувия обернулся к Симону:

– Ты славный и отважный человек. Скажи, неужели ты не побоялся пойти на встречу с этим человеком один? Тебя ведь могли схватить и жестоко казнить уже сегодня ночью...

– Могли... – равнодушно пожал плечами Симон. – Но я не боюсь смерти. Она для меня ничто по сравнению с тем справедливым делом, которое я делаю по велению своего сердца. Свобода иудейского народа – главный смысл моей жизни. Смерть многих достойных иудейских юношей отзывается в наших сердцах желанием отмщения. Лучше умереть, чем жить на коленях и преступить повеление Господа. Вероотступники же, лицемеры и обманщики, не соблюдающие наши законы, должны быть наказаны. Мы боремся за чистоту и строгость закона. Мы – карающая рука Господа и нашего закона. Кто еще, кроме нас? Если мы свергнем Ирода и отомстим римлянам, кровь наша будет отмщением самого Господа, – взволнованно воскликнул Симон и поглядел на остальных zelотов.

– Всех нас объединяет одна благородная цель – свержение презренного Ирода и борьба с идолопоклонничеством Рима! – громко и страстно произнес он.

Симон встал и порывисто вытянул свою сжатую в кулак руку в сторону ярко полыхающего огня.

– Клянусь бороться до победы и последней капли крови! – торжественно заключил он свою пламенную речь.

Охваченные единым и благородным порывом, юноши тоже встали и дружно произнесли дрожащими от волнения голосами:

– Клянемся!

– Сколько бойцов в Акко? – спросил Тувия у Симона.

– Двести человек. А у вас? – сказал Симон. Голос его все еще дрожал от только что пережитых эмоций.

– Если брать все города Галилеи, это не меньше трех тысяч человек, – ответил за брата Элеазар, отвечающий в общине Сепфориса за снаряжение. – Думаю, как только мы будем готовы, можно напасть на римские таможенные посты.

– Не согласен. Пока мы не будем готовы к восстанию, выдавать наши планы преждевременно. Для этого пока недостаточно людей и оружия! – возразил ему Тувия и прибавил: – К тому же я убежден, что подобные вылазки продемонстрируют врагам нашу малочисленность и разрозненность. Одно такое нападение – и по просьбе Ирода Антипы из Рима прибудет вооруженное подкрепление, а наше движение будет жестоко подавлено. Пострадают безвинные! Я считаю, что главной мишенью для мщения сначала должен стать тетрарх Ирод Антипа. Это он изгнал из Храма сынов Аарона. И должен понести за это заслуженное наказание. Его надо устранить в первую очередь – нашими или руками тех, кому он служит. Одновременно нужно убеждать и привлекать в наши ряды как можно больше сторонников. Таков мой план на первое время.

Четверо zelотов еще долго обсуждали дальнейшие планы. Они сошлись на том, что поднимать восстание по всей стране преждевременно – надо привлечь на свою сторону больше людей, выждать удобный момент, а когда тот настанет, незамедлительно связаться друг с другом и выступить против тетрарха и римлян одновременно в разных местах страны. Таким образом они надеялись рассеять силы отрядов легионеров, которые наверняка будут отправлены на подавление их выступления. Обговорив детали и положившись на волю Господа, они распрощались друг с другом. Иаков отправился домой, а остальные двинулись в сторону Иордана.

Глава 5

Взошла луна и на многие мили вокруг залила притихшую пустыню бледно-серебристым светом. Юноши шли всю ночь и к рассвету были на месте. На густо заросшем кустарником берегу толпился народ. Многие пришли издалека и теперь отдыхали, сидя или лежа на расстеленных плащах, циновках либо просто на траве. Все с нетерпением ждали человека, имя которого в то время было у всех на устах, внушало удивление и приводило в благоговейный трепет. Звали его Иоанн.

После долгой дороги zeloty чувствовали страшную усталость. Выбрав удобное для отдыха место, они присели, решив подкрепиться. Раздобыв у пастухов воды и утолив жестокую жажду и голод, юноши снова почувствовали себя полными сил. Вскочив на ноги, они бросились к реке и с восторгом, свойственным здоровой молодости, с разбега кинулись в воду. Вода в реке была холодной, течение – бурным. Прогнув, юноши вылезли на берег, прилегли на травку и стали наблюдать из своего укрытия за собравшимися около Иордана людьми.

Кого тут только не было! Бедняки и кочевники, пастухи и рыбаки. Были здесь люди и побогаче – те, кто торговал на базарах или занимался ремеслами. Поодаль стояла небольшая группа напыщенных и важных священнослужителей – фарисеев, разодетых в богатые, украшенные драгоценными камнями и красивыми вышивками одежды. Так же, как и юноши-zeloty, они разглядывали толпу и оживленно переговаривались между собой.

Возле самой кромки воды на песке сидели четыре человека.

Стараясь не привлекать внимания, Симон внимательно всматривался в их сосредоточенные строгие лица. В отличие от остальных, они сидели неподвижно и молча, словно застыв в задумчивости. По их отрешенным лицам, худым рукам и простым белым одеждам Симон догадался, что это ессеи. Некоторое время он изучающе разглядывал их, потом обернулся к Тувии и спросил:

– Погляди! Что ты скажешь об этих людях?

– Скажу, что не понимаю их взглядов! – живо отозвался тот. В голосе сепфорийца прозвучало плохо скрываемое раздражение. – Они как будто преданы закону, не нарушают его. Но вместо того чтобы объединиться с нами и поднять народ на борьбу за свои права против римского диктатора, прячут свои смущенные лица под масками различных добродетелей и сеют в народе зерна бессловесности, покорности и смирения. Они бегут прочь от мирской суеты и людских страданий в свои безлюдные пустыни, будто пугливые и одичавшие звери, призывая окружающих следовать за собой. Они лгут, что только в смирении и созерцании человек может найти истину и счастье. И громогласно призывают отказаться от борьбы.

Лицо Тувии покраснело от негодования, а глаза загорелись праведным гневом.

Всегда молчаливый Элеазар, который всюду сопровождал брата, как осторожная и молчаливая тень, тоже поддался возмущению и в сердцах промолвил:

– К сожалению, ты прав, милый брат! Ессеи мечтают о несбыточном, стремятся жить в тишине и покое, созерцая вечность, и совершенно забывают о порабожденном римской тиранией народе. Иногда мне даже кажется, что они наслаждаются своим угнетенным существованием. Но разве это правильно и справедливо? Если ессеи не думают о народе, то они не имеют права называться священниками! – уверенно заключил Элеазар.

– А что предлагаем народу мы?! – вскричал вдруг Симон и вскочил на ноги. Глаза его заблестели от негодования. – Да, мы боремся за чистоту наших законов и свободу от римской тирании. Кто же еще, кроме нас? Но не слишком ли велика цена, которую мы за это платим? Считаю, что в этом смысле наше сообщество еще ужаснее, чем то, которое ты так рьяно сейчас критикуешь. Мы отнимаем у человека жизнь за любую, даже малейшую ошибку в толковании

законов. Потому что это прописано в уставе и наших правилах. Но разве это можно считать справедливым и правильным? Разве так учит Господь?

Голос Симона зазвенел от возмущения. Он напряженно смотрел на покрасневшее и сердитое лицо Элезара.

– А ты так не считаешь? – вкрадчиво поинтересовался Тувия.

– Нет, – коротко бросил Симон.

Среди zelотов, а особенно секариев, было не принято открыто критиковать установленные ими традиции, правила и предписания. Для рядового секария осмелиться на критику означало бросить вызов всему обществу. Подобное могло закончиться крайне плачевно.

– Не ожидал от тебя. Вчера ты высказывал другие мысли. И вдруг ставишь под сомнение наши правила... А кто, кроме нас, тогда займется чисткой наших рядов от слабых и сомнеющихся? – жестко продолжил Тувия и недовольно прищурился. Ему показалось подозрительным и странным, что человек, которого ему рекомендовали как одного из самых преданных и жестоких секариев, неожиданно начал критиковать их действия, движение и сомневаться в идее. Это характеризовало Симона в глазах Тувии как возможного предателя. А этого он как человек, возглавляющий политическое движение, допустить никак не мог.

– Они наши соплеменники. Кто дал нам право судить оступившихся? – с вызовом в голосе спросил Симон. – Разве не один Господь может судить, карать или прощать людей?

В этот момент Элезар бросил многозначительный взгляд на брата, в котором явственно читалось: «Вот видишь, я говорил тебе, что этим двоим нельзя доверять». Однако Тувия в ответ недовольно поморщился и промолвил:

– Если ты не согласен с нашими правилами, тебе не место среди нас! Объясни, с какой целью ты примкнул к нашему движению?

– По велению сердца! – горячо воскликнул Симон. – Так же, как и ты, сепфориец, я желаю свободы нашему угнетенному народу. И свято надеюсь восстановить законные права, отнятые у иудеев проклятым Иродом. Клянусь именем Господа нашего, я добьюсь этого! Пусть даже ценой своей жизни. Но в последнее время мне стали отвратительны убийства во имя правильного толкования закона, – честно признался Симон. Он горько вздохнул и поник головой.

– А может, ты предатель и тайно служишь тетрарху? – с вкрадчивой угрозой в голосе переспросил у него Тувия и медленно поднялся. В его руке неожиданно сверкнул кинжал. Симон отскочил. Лицо его побелело, под скулами взбугрились желваки. В правой руке у секария тоже появился кинжал.

– Ты ответишь за клевету, сепфорисец, – не теряя хладнокровия, произнес он и принял оборонительную позу, готовясь отразить удар.

Элезар, который безмолвно наблюдал за разгорающейся на его глазах ссорой, громко вскрикнул и стремительно бросился между ними. Схватив брата за руку, державшую нож, он воскликнул:

– Остановись, брат. Оглянись вокруг. Нельзя проливать кровь в таком священном месте.

Голос его звучал убедительно. Тщедушный Элезар был ниже ростом и слабее Тувии, однако вцепился в руку брата мертвой хваткой.

– Не мешай мне, глупец. И не хватай за руки. Я тебя однажды уже предупреждал. Помнишь? – со злостью процедил сквозь зубы Тувия. Метнув на брата негодующий взгляд, он решительно высвободил руку.

– А с тобой мы еще поговорим... только уже без свидетелей... – угрожающе буркнул он, переводя взгляд на Симона.

– Согласен. Но предупреждаю: я не позволю тебе зарезать себя, как жертвенного барана, – твердо произнес Симон, и в его глазах полыхнул ответный сердитый огонь. Его лицо исказилось от ярости.

Несколько напряженных мгновений юноши пожирали друг от друга горящими как угли глазами. Однако присущее им благоразумие вскоре охладило их головы, и они оба почти одновременно бросили кинжалы на землю. Разойдясь в разные стороны, они уселись на траву и с демонстративно-небрежным видом отвернулись друг от друга.

Первым прервал молчание Симон.

– Выслушайте меня, братья! И не спешите судить! – выдавил он через силу. – Клянусь, что на вашем месте я поступил бы точно так же, если бы заподозрил вас в измене. Но клянусь своей жизнью и честью, которую у меня никто не отнимет, что я никогда не нарушал нашей клятвы! Что же касается моих взглядов...

Он задумался, потом решительно продолжил:

– С недавних пор мне стало невыносимо убивать людей.

В голосе Симона прозвучало страдание, а лицо исказилось от отвращения.

– Почему? Ты ведь так много сделал для нас? – удивленно воскликнул Тувия. Он был поражен болью и искренностью слов Симона.

Тот грустно вздохнул.

– Я не отказываюсь от наших целей. Но я не согласен с методами. Не знаю, поймешь ли ты... Когда-то я сделал осознанный выбор, решив посвятить жизнь борьбе за чистоту закона и за свободу нашего народа от римских тиранов и их прислужников. Каким же наивным я был! Я думал, что, отнимая жизнь у виновных, научу остальных не совершать ошибок и соблюдать закон. Но я жестоко ошибался! Своей беспощадностью мы вызываем у народа ненависть и страх, а неоправданной жестокостью уподобляемся палачам. Мы даже хуже их! Потому что палачи безропотно исполняют приказы правителя, мы же убиваем соплеменников по доброй воле. Мы не должны так больше поступать, – с горечью заключил Симон.

Сепфорийские zeloty в изумлении смотрели на него. Тувия не верил своим ушам. Подобную крамолу провозглашает человек, руки которого у самого по локоть обагрены кровью?!

– Ты безумец! Понимаешь ли ты, что, несмотря на твои заслуги перед обществом, за подобные убеждения и высказывания мы должны немедленно предать тебя смерти? – ошеломленно проговорил он.

Ему неожиданно стало жаль смелого юношу-рыбака, не побоявшегося открыто признаться в своих сомнениях. Несмотря на свойственные ему хитрость и недоверчивость, Тувия мог быть объективным и различал, где правда, а где ложь. И, глядя в горящие глаза Симона, он готов был поклясться: тот не лжет. Жаль, что он будет заколот своими же товарищами. А все потому, что не умеет держать язык за зубами и слишком искренен, доверчив... Тут он вспомнил о своем хитром брате и метнул на того вопросительный взгляд. Заметив, что глаза Элеазара загорелись в предвкушении триумфа, который ожидает, когда он доложит на собрании старейшин о возможном предательстве Симона, Тувия предостерегающе покачал головой.

– Предположим, ты говоришь правду, – обернулся он к Симону. – Тогда признайся, ты друг нам или враг?

– Друг! Я дал нерушимую клятву. Лишь смерть прервет ее, – твердо произнес Симон и доверчиво посмотрел на Тувию. Он был удручен, но взгляд его оставался прямым и открытым. Тувия в ответ пожал плечами и вздохнул.

– Ну хорошо. Однако хочу предупредить: все сказанное здесь подлежит обсуждению на собрании старейшин. По уставу я обязан им доложить. – В голосе Тувии сквозило участие.

– Поступай как положено, – спокойно ответил Симон. Однажды связав себя с секариями кровавой клятвой, он уже давно был готов к смерти.

Глава 6

– Возможно, ты и правда не враг, а всего лишь глупец и мечтатель... – задумчиво пробормотал Тувия.

С этими словами он прилег на траву, закинул руки за голову и стал любоваться медленно проплывающими в безмятежной синеве облаками. Их вид успокаивал и отвлекал от тревожных мыслей. Сепфорийцу были непонятны и казались дикостью искренность и смелость Симона – сам он был не таким. Стремясь достичь высокого положения в обществе zelотов и возглавить восстание, он тщательно скрывал от товарищей свои истинные мысли и подстраивался под окружающие обстоятельства.

Довольно долго на поляне царило полное молчание, нарушаемое только разговорами людей в отдалении и всплесками от играющей в реке рыбы. Наконец Симону надоело сидеть в тишине.

– Я рад, что между нами все улажено. Давайте поговорим о деле, ради которого мы пришли сюда, – решил он сменить тему разговора. – Ты не сказал мне, что хочешь услышать от Иоанна?

– Я хочу привлечь его на нашу сторону, – охотно пояснил Тувия. – Если мы не сделаем этого сейчас, то совершим ужасную ошибку. Сила воздействия его слов на людей огромна. Но его могут воспользоваться другие! Например, эти... или вон те...

Он кивнул в сторону сидящих у воды фарисеев и ессеев.

– Фарисеи – нет. Ессеи – да! – убежденно произнес Симон. – Я слышал речь Иоанна на базарной площади и речи ессеев. Иоанн призывает людей к покаянию и очищению от грехов. Ессеи даже под пытками не отрекутся от Моисея и призывают к тому же – смирению и раскаянию.

– Вот именно! Но в этих призывах кроется основное зло. Убежден, что они демонстрируют слабость народного духа перед вызовом римских тиранов. Когда человек смиряется со злом, он невольно становится рабом. Своими лозунгами о благодушии, терпении и смирении ессеи отвлекают иудеев от борьбы и поощряют их и дальше быть пассивным перед насилием. Чтобы наш народ понял, что с этим нельзя мириться, и воспылил жаждой мести, нам нужен такой человек, который бы денно и нощно объяснял, что только поднявшись с колен можно добиться цели и соблюсти чистоту наших законов. У этого проповедника есть дар убеждения, в его речах звучит истина, а самое главное – он оказывает неодолимое влияние на людей. Он мог бы стать нашим глашатаям и помочь в исполнении планов... – Тувия не договорил и задумчиво посмотрел вперед.

В этот момент послышались громкие возгласы удивления и радости. Многочисленная толпа у подножия холма расступилась. Наверху показался высокий и худой человек, одетый в верблюжью шкуру, подпоясанную потертым кожаным ремнем. Это был Иоанн. Он быстро шел, опираясь на посох. Спустившись, он ласково поздоровался, внимательно оглядел собравшихся людей и заговорил. Его глубокий звучный голос сразу привлек к нему внимание. Люди подходили ближе, боясь пропустить даже слово. Они окружили крестителя плотным кольцом и не отрывали глаз от его одухотворенного лица.

Зелоты встали позади и стали слушать, о чем говорит креститель. Симону почему-то пришло на ум, что Иоанн подобен солнцу, а стоящие вокруг люди, словно цветы, повернулись к нему своими бутонами и впитывают его живительное тепло. Святые слова и поучения Иоанна завораживали своей искренностью и простотой, были понятны и глубоки. А во взгляде таился свет его чистой и ясной души.

Рассуждения Иоанна пробуждали в людях любопытство, острый интерес, недоверие, смешанное с восхищением, подозрительность и веру в чудо – в скорый и безоговорочный приход

Мессии, который, по мнению иудеев, должен стать новым Моисеем. Приход, предсказанный древними пророками много лет назад. Однако таинственный обряд крещения, который Иоанн совершал на Иордане над покаявшимися людьми, вызывал еще больший интерес. Всякий, кто наблюдал за обрядом, интуитивно ощущал его глубокий и чистый смысл.

В проповедях Иоанна, хотя он не разрешал называть себя проповедником, была сокрыта жизненная истина, призыв к покаянию. Вера в необходимость покаяния была сначала робкая и неосознанная, но с каждой проповедью крестителя она все больше и больше крепла в душах внимающих ему слушателей, становилась душевной потребностью. И потребность эта в народе постепенно набирала силу поднимающейся мощной лавины.

Каждому, кто в этот момент заворуженно слушал пламенную речь Иоанна, казалось, что его добрый и понимающий взгляд обращен именно на него. Что он любит его, прощает ему, вопрошает, взывает и объясняет. Взгляд крестителя побуждал людей верить ему. Его речь, наполненная глубочайшими эмоциями, меняла мировоззрение каждого слушателя – даже тех, которые до этого относились к нему презрительно и не верили в смысл и ценность покаяния. Слушая Иоанна-крестителя, невозможно было не увидеть великую и вечную любовь к людям, идущую из глубины его сердца.

– Покаяние – это начало всех начал в человеческой жизни и спасение, – говорил он, и голос его звучал подобно раскату грома. – Покайтесь, братья мои, ибо и вправду приблизилось царство небесное². Земные царства никогда не были более немощными, чем сегодня: они уже не способны придать человеческой жизни какую-либо высокую значимость и более достойный смысл и назначение, а тем более преобразить ее светом и радостью! Грешили ваши предки, согрешили и вы. И от этого двойное бремя на ваших плечах. Покайтесь же, чтобы сыновья ваши не понесли его уже в тройном размере, а внуки – в четырехкратном. После покаяния креститесь. И будет вам прощение от Господа нашего за грехи ваши.

Люди стали переговариваться между собой. Сначала тихо, потом громче и громче. Многие не поняли сказанного, поэтому стали спрашивать:

– Объясни, чего ты хочешь от нас? Что есть грех и что такое покаяние?

Иоанн внимательно оглядел людей и произнес:

– Покаяние сродни переоблачению. Всякий, кто хочет войти пред лице царя, сбрасывает с себя грязную одежду и надевает чистую. Иначе выгонят его из царских чертогов³. Душа наша так же требует переоблачения, как наше тело, потому что и она загрязняется: безбожными мыслями и нечестивыми помыслами. Поэтому каждому из нас надлежит очищать свою душу и переоблачать с помощью покаяния. Где есть люди, существует и грех. А где бы ни возник грех, там возможно и покаяние. Покаяние, братья мои, – это восстание человека против самого себя. Наши грехи и злодеяния, поселившиеся внутри нас, помрачают наш ум и наполняют наше сердце алчущим недовольством и душевным бессилием. Мы прозябаем в самообмане, не пытаемся выгнать этих врагов из своей души, а тем временем наши внутренние враги расхищают нашу душу, прельщают и отравляют нашу жизнь. Так разве не должны мы прогнать наших внутренних врагов, как прогоняем внешних – воров или разбойников? Не будем же, братья мои, поступать опрометчиво при обороне собственной души, своей единственной и драгоценной крепости!

– Почему ты пророчествуешь? И почему мы должны тебе верить? – выкрикнул один человек. Его светлый льняной хитон, подпоясанный расшитым поясом, выдавал в нем левита.

– Вы должны верить мне, потому что моими устами с вами говорит Господь, – ответил Иоанн.

---

² Мф.3:2.

³ Мф.22,12.

– Тогда твое имя должно быть Илия? – допытывался левит. Он недоверчиво смотрел на Иоанна.

– Нет. Я не Илия, как думаешь ты и многие из вас. Я – предвестник Мессии и принес вам благую весть о его приходе. Господь ждет от вас покаяния и очищения от грехов. – Иоанн замолчал и обвел всех пытливым взглядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.